

Парадигма анти-психологизма в художественной культуре XX–XXI вв.

Можейко М. А.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет
культуры и искусств», Минск

Визитной карточкой классической европейской культуры можно считать ее центрированность на феномене субъекта. Так, для классической философии западного образца именно оппозиция субъекта и объекта выступала той осью, вокруг которой выстраивалось все здание философских рассуждений. Аналогичным образом классическое искусство характеризовалось пристальным вниманием к внутреннему миру человека и осмыслению им своего места в мире. Точно также право и мораль опирались на четкие определения личности как субъекта свободного морального выбора, осуществляющего мотивированные поступки и несущего за них персонализированную ответственность.

Однако такая прозрачная концепция субъективности ушла в прошлое вместе с классической культурой, и именно трансформации в понимании субъекта обусловили формирование таких масштабных эволюционных форм европейской культуры, как модерн, постмодерн и пост-постмодерн.

В статье представлены две стратегии преодоления анти-психологизма, предложенные современной философией, которые привели к созданию новой культурной парадигмы – пост-постмодерна, пересматривающей базисные основания постмодернистской культуры и знаменующей собой поворот к неоклассицизму.

Ключевые слова: постмодернизм, пост-постмодернизм, нарративная биография, анти-психологизм, «кризис идентификации», «смерть субъекта», «воскрешение субъекта», неоклассицизм.

(Искусство и культура. – 2017. – № 1 (25). – С. 52–60)

Paradigm of Anti-Psychologism in the Art Culture of the XX–XXI Centuries

Mozheiko M. A.

Educational Establishment «Belarusian State University of Culture and Arts», Minsk

European classical culture can be distinguished by its concentration on the phenomenon of the subject. Thus, for the classical philosophy of Western type it is the opposition of the subject and the object which was the axis around which the whole building of philosophic judgments was constructed. Likewise, classical art was characterized by close attention to the inner world of the man and his understanding of his place in the world. Law and moral also rested on clear definitions of the personality as the subject of free moral choice, who performs motivated acts and is personally responsible for them.

However, such transparent conception of subjectivity is far back in the past together with classical culture and it is transformations in understanding of the subject which conditioned shaping of such large scale evolutionary forms of European culture as Modern, Postmodern and Post-Postmodern.

The article centers round two strategies of overcoming anti-psychologism which were offered by contemporary philosophy, which resulted in shaping a new cultural paradigm – Post-Postmodern. It reconsidered fundamentals of Postmodern culture and manifested a turn to Neoclassicism.

Key words: Postmodern, Post-Postmodern, narrative biography, anti-psychologism, «identification crisis», «death of the subject», «resurrection of the subject», neoclassicism.

(Art and Culture. – 2017. – № 1 (25). – P. 52–60)

Становление неклассической науки и неклассической философии было ознаменовано в контексте европейской культуры интенцией на разрушение жесткого противостояния субъекта и объекта – как в контексте естественнонаучной познавательной традиции (формирование методологии Копенгагенской школы, основанной на радикальном отказе от идеи внеположенной позиции субъекта по отношению к приборной ситуации), так и в контексте традиции философской («кризис онтологии» XX века, приведший к

экзистенциализации онтологической проблематики (Можейко, М. А. Онтология / М. А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 486–487.).

Цель статьи – анализ преодоления феномена анти-психологизма, характерного для культуры постмодерна и породившего кризис личностной идентификации.

Интересно, что исходно вышеобозначенная интенция питалась именно своего рода борьбой за интересы субъекта, то есть была ориентирована как

Адрес для корреспонденции: e-mail: marina-mojeiko@yandex.ru – М. А. Можейко

раз на то, чтобы придать наиболее значимый статус его внутренним характеристикам. Рациональность субъект-объектного типа критикуется как раз за недостаточное внимание к феномену субъективности: в фокус критики попадает, прежде всего, то, что в рамках субъект-объектной рациональности человек либо теряет свои субъектные качества, выступая функционально в качестве объекта изучения, либо редуцирует их, выступая в качестве субъекта деятельности по познанию или преобразованию объекта. В этом смысле развитие классического типа рациональности оценивается философией неклассического типа как угроза человеческому в человеке (Франкфуртская школа, М. Хайдеггер, философия техники в своем антитехницистском векторе: Л. Мэмфорд, Ф. Рапп, Х. Шельски и др.). Таким образом, неклассическая культура XX века формулирует программу создания нового типа рациональности, призванной вернуть субъекту приоритетное место в системе культурных ценностей.

В этом плане история европейской культуры XX–XXI вв., может быть рассмотрена как попытка реализации этой программы, которая, начавшись с идеи построения нового типа рациональности, центрированной на субъекте и субъективности, и последовательно переходя от одной модели субъективности к другой, в итоге парадоксальным образом привела к оформлению в культуре фигуры «смерти субъекта». По оценке А. Турена, если модернизм провозглашал идею ценности «Я», то постмодернизм – идею его расщепления¹.

От модерна к постмодерну: формирование идеи анти-психологизма. Транзитивность социокультурной ситуации, выступившая исходным культурным фоном складывания модернистской парадигмы в культуре, инспирировала акцент на проблеме самовыражения субъекта.

Данная парадигма прошла такие этапы своего разворачивания, как

- исходная идея «выражения субъективных состояний» личности, сформулированная Л. Кирхнером как теоретиком экспрессионизма;
- программа ауто-психоаналитической экспликации содержания сновидений в сюрреализме С. Дали;
- эпатажная эстетика «ячества» в авангардистских «Ультраманифестах» Г. де Торре («...особенно близок герой, который мучительно тщится разгадать тайну собственного Я...»²);
- художественная практика экспонирования автором себя как артефакта в концептуальном искусстве (от С. Дана в «авангарде новой волны» до Э. Гормли в современном искусстве).

¹ Touraine, A. Critique de la modernité / A. Touraine. – P.: PUF, 1992. – P. 116.

² Торре, Г. де. Ультраманифесты / Г. де. Торре // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С. 237–238.

Именно эта культурная тенденция подготовила те трансформации трактовки субъективности, которыми ознаменовалось формирование рациональности постнеклассического типа.

В контексте постмодернистской философской парадигмы разрушение классической субъект-объектной оппозиции, определявшей предметность и специфику философии как концептуальной системы, фундировано исходным постмодернистским отказом от самой идеи семантико-структурных оппозиций. Именно на радикальной критике бинаризма основан номадологический проект постмодернизма (Ж. Делез и Ф. Гваттари); Ж. Деррида предлагает фигуру «хоры» как феномена снятия «колебательных операций» бинаризма³.

Речь не идет однако о простой негации в отношении мыслительных гешталтов, основанных на идее бинаризма, но о содержательном преодолении бинаристской парадигмальной фигуры как таковой. По мнению Ж. Деррида, стратегия деконструкции должна «пытаться избежать простой нейтрализации бинарных оппозиций метафизики»⁴. Как отмечает А. Истоуп, «дерридианская деконструкция ... состоит не в том, чтобы поменять местами ценности бинарной оппозиции, а ... в том, чтобы нарушить или уничтожить их противостояние, релятивизировав их отношения»⁵.

В постмодернистской системе отсчета традиционные для европейской культуры бинарные оппозиции (типа *субъект – объект*, *Восток – Запад*, *мужское – женское*, etc) перестают выполнять роль несущих осей, организующих мыслительное пространство.

Концепция соблазна Ж. Бодрийяра моделирует «вселенную, в которой женское начало не противопоставляется мужскому, но соблазняет его. Находясь в стихии соблазна, женственность не выступает ... термином оппозиции»; в этом отношении Ж. Бодрийяр подвергает критике феминизм как не способный снять оппозицию мужского и женского, но лишь по-иному расставляющий внутри нее акценты доминирования: соблазнение – вне оппозиции, ибо оно есть процессуальное размывание ее границ, «в соблазнении нет ничего активного или пассивного, нет субъекта или объекта, нет внешнего или внутреннего: оно играет сразу на двух сторонах доски, притом, что не существует никакой разделяющей их границы»⁶.

³ Деррида, Ж. Хора / Ж. Деррида // Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97 – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 124.

⁴ Деррида, Ж. Позиции / Ж. Деррида. – Киев: Л.Д., 1996. – С. 71–72.

⁵ Easthope, F. British post-structuralism since 1968 / F. Easthope. – L.: Thousand Oaks, 1988. – P. 187–188.

⁶ Бодрийяр, Ж. Фрагменты из книги «О соблазне» / Ж. Бодрийяр // Иностранная литература. – 1994. – № 1. – С. 67.

Аналогично Р. Барт задает пространство текста как семиотическую тотальность, где субъект и объект изначально растворены друг в друге: «Сценическое пространство текста лишено рамп: позади текста отнюдь не скрывается некий активный субъект (автор), а перед ним не располагается некий объект (читатель); субъект и объект здесь отсутствуют»⁷.

Однако этим разрушение субъект-объектной оппозиции в постмодернистском контексте далеко не исчерпывается: оно предполагает также и утрату статуса возможности для всех компонентов этой оппозиции – как объекта (предметности), так и субъекта («Я») в любых версиях его интерпретации.

Базовая для постмодернизма критика референциальной концепции знака приводит к тому, что понятие «объект» в классическом его понимании в принципе не может быть конституировано: любая попытка подобного рода может иметь своим результатом лишь симуляцию внезапного феномена – то, что П. ван ден Хевель обозначил как «украденный объект»⁸.

Выступая одним из двух полюсов амбивалентного процесса распада субъект-объектной оппозиции, разрушение объекта не может не предполагать и историческую исчерпанность концепта «субъект»⁹. Ю. Кристева полагает допустимым говорить лишь о «проблематичном процессуальном субъекте языка»¹⁰; Очерчивая границы постмодернистского типа философствования, М. Фуко в качестве одного из важнейших признаков постмодернизма выделяет финальное «крушение философской субъективности»¹¹. Таким образом, для постмодернизма характерна радикальная программа децентрация индивидуального (равно как и любых форм коллективного) Я: «взломать ... преграду, которая удерживает вопрос о письме ... под опекой психоанализа»¹².

Постмодернистская философия констатирует парадигмальный поворот в интерпретации самого феномена субъекта: не только психологически артикулированный (так называемый «вождеделующий») субъект фрейдистского типа, но и

рациональный субъект типа декартовского уступают место деперсонифицированной презентации культурных смыслов (языка), – субъект характеризуется как растворенный в формах языкового порядка.

Критика концепции трансцендентального субъекта становится фундаментом основополагающей для философской парадигмы постмодерна презумпции «смерти человека», высказанной еще в ранних работах М. Фуко «археологического» периода и специфицированной Р. Бартом в его концепции «смерти автора». По формулировке Р. Барта, Автор – отнюдь «не тот субъект, по отношению к которому произведение было бы предикатом»¹³, – традиция интерпретации текста как реконструкции исходного (авторского) его смысла (вплоть до «биографического анализа» у Г. Миша) сменяется в постмодернизме традицией «означивания» (Ю. Кристева): текст понимается как принципиально аструктурный, т. е. организованный в качестве подвижной «ризомы», подобной «колонне маленьких муравьев, покидающих одно плато, чтобы занять другое; каждое плато может быть прочитано в любом месте и соотнесено с другим» (Ж. Делез и Ф. Гваттари¹⁴). Это позволяет говорить о радикальной децентрации текста и принципиальной возможности структурировать его вокруг любого семантического узла, открывая путь от идеи соотнесенности семантики текста с внетextовым референтом – «трансцендентальным означаемым» (Ж. Деррида). Текст должен быть не истолкован (парадигма реконструкции смысла), а означен, – и именно в этой процедуре конституируется свобода как таковая: «Все, что является человеческим, мы должны позволить себе высказать» (Х.-Г. Гадамер¹⁵). Текст, понятый как «эхокамера» (Р. Барт), лишь возвращает субъекту привнесенный им смысл: Читатель выступает в качестве «источника смысла» как такового (Ч. Х. Миллер): становление текстовой семантики, «никогда не бывает объективным процессом обнаружения смысла, но вкладыванием смысла в текст, который сам по себе не имеет никакого смысла»¹⁶.

Однако, перенося акцент с фигуры Автора на фигуру Читателя, философия постмодернизма отнюдь не конституирует последнего в качестве автономного субъекта классического типа. По Р. Барту, фигура Читателя может быть

⁷ Барт, Р. Удовольствие от текста / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 474.

⁸ Heuvel P. van den. Parole, mot, silence: Pour une poetique de l' enonciation / P. van den Heuvel. – P.: Gallimard, 1986. – P. 261.

⁹ Можейко, М. А. Смерть субъекта / М. А. Можейко // Новейший философский словарь. – Минск: Изд-во В. М. Скакун, 1998. – С. 626–628.

¹⁰ Кристева, Ю. От одной идентичности к другой / Ю. Кристева // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 265.

¹¹ Фуко, М. О трансгрессии / М. Фуко // Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 123.

¹² Деррида, Ж. Позитивизм / Ж. Деррида. – Киев: Л.Д., 1996. – С. 150.

¹³ Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 387.

¹⁴ Делез, Ж. Ризомы / Ж. Делез, Ф. Гваттари // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 28.

¹⁵ Гадамер, Х.-Г. Человек и язык / Х.-Г. Гадамер // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 140–141.

¹⁶ Miller, J. H. Tradition & difference. Review of M. H. Abram's Natural supernatural / J. H. Miller // Diacritics. – Vol. 2. – № 2. – Baltimore, 1972. – P. 12.

рассмотрена в качестве «личного адреса» ничуть не более, нежели фигура Автора, ибо «читатель – это человек без истории, без биографии, без психологии, он всего лишь некто, сводящий воедино все те штрихи, что образуют письменный текст»¹⁷. Собственно, по видению Ж. Деррида, «интерпретирующее Я» само по себе есть ни что иное, нежели текст, сотканный из дискурсивных матриц, культурных кодов и интерпретационных конвенций¹⁸. Подобно автору, читатель растворяется в процессуальности собственных дискурсивных практик, обусловленных внешними по отношению к субъекту правилами, – по выражению М. Грессе, читатель уловлен «сетью культуры», т. е. системой фундаментальных конвенций, характерных для той или иной культурной традиции¹⁹. Иными словами, читатель, как и автор, оказывается, по оценке Ж. Ф. Харари, даже не «гостем», но «порождением текста»²⁰.

Я предстает в этом контексте как своего рода носитель («пучок») культурно-семиотических «кодов», впитанных им из культуры и используемых в качестве интерпретационного инструментария в процедурах трактовки тех текстов, вербальных и невербальных, среди которых и посредством которых происходит его существование. Собственно, по видению Ж. Деррида, Я само по себе есть ни что иное, нежели текст, сотканный из культурных кодов и интерпретационных конвенций.

Утрата субъектом психологической артикуляции приводит к тому, что он теряет личностные качества и деперсонифицируется (становится «кодом, не-личностью, анонимом»), но и исчезает в целом – как явление: «Он – ничто и никто, ... он становится ... зиянием, пробелом» (Ю. Кристева²¹).

В рамках тенденции деперсонификации оформляется и более радикальная версия «смерти субъекта», а именно фигура «смерти героя» (А. Роб-Грийе, К. Брук-Роуз), т. е. центрального персонажа, фокусировавшего на себе семантическое пространство текста²².

В итоге постмодернистский анти-психологизм обеспечивает конституирование всеохватной парадигмы «смерти субъекта».

¹⁷ Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 390.

¹⁸ Derrida, J. *Speech & phenomena & other essays on Husserl's theory of signs* / J. Derrida. – Evanston: EHS Press, 1973. – 264 p.

¹⁹ Gresset, M. Introduction / M. Gresset // *Intertextuality in Faulkner* / Ed. M. Gresset, Folk N. – Jackson: Paladin, 1985. – P. 7.

²⁰ Harrari, J. V. Introduction / J. V. Harrari // *Textual strategies: Perspectives in post-structuralist criticism* / Ed. with introd. by Harrari J.V. – L.: Athlone, 1980. – P. 40.

²¹ Kristeva, J. Bakhtin, le mot, le dialogue et roman / J. Kristeva // *Critique*. – 1967. – Vol. 23. – № 239. – P. 25.

²² Роб-Грийе, А. О нескольких устаревших понятиях / А. Роб-Грийе // Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М.: Прогресс, 1986. – С. 114.

Если философский модернизм в лице Ф. Ницше оценивал «Я» в качестве «*gendez-vous* опытов», то для постмодернизма, напротив, характерен тезис о непреодолимом разрыве опыта как такового, с одной стороны, и носителя дискурса, в котором этот опыт может быть выражен, – с другой: как говорит Ф. Гваттари, «я не верю в существование субъективности без продуктивности рассказа-текста»²³. Р. Барт показывает во «Фрагментах любовного дискурса», что опыт, который декларируется в качестве имманентного, на деле выступает принципиально спекулятивным: «Я безумен для того, чтобы пребывать в любви, но я отнюдь не безумен для того, чтобы сказать об этом, я раздваиваю свой образ»²⁴.

По Ф. Джеймисону, чувственная сфера, в целом, перестает быть центрированной и персонифицированной субъектом: «Не существует более Я, чтобы чувствовать. ... Чувства... имперсональны»²⁵. Таким образом, постмодернизм приходит к признанию того, что Я «более не является местом, где восстанавливается человеческая личность в непорочной цельности... накопленного опыта»²⁶, да и «никогда “я” не было субъектом опыта»²⁷. В итоге как гносеологически, так и социально ориентированные методологии, предлагаемые постмодернизмом, оказываются построенными вне самого концепта «субъект». Так, в генеалогии М. Фуко когнитивная программа в качестве условия своей реализации предполагает «принесение в жертву субъекта познания»; что же касается так называемых социальных ролей, предполагающих определенность их субъекта, то, по оценке М. Фуко, эти версии самоидентификации есть не что иное, как вербальные маски, наличие которых отнюдь не гарантирует наличия скрытого за ними «Я»²⁸.

Следует, наконец, упомянуть развитую философией постмодернизма идею «смерти сверхчеловека» (Ж. Делез) и идею «смерти Бога» (предложенная П. ван Буреном программа «реинтерпретации

²³ Гваттари, Ф. Трансфер или то, что от него осталось, или Аналитик живет в постоянном страхе. Феликс Гваттари в беседе с Брайой Лихтенберг Эттингер / Ф. Гваттари // Кабинет: картины мира. Психогенез / Техногенез: коллекция *perversus*: сб. ст. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – С. 23.

²⁴ Barthes, R. *A Lover's Discourse. Fragments* / R. Barthes. – L.: J. Cape – Third Berford Square, 1979. – P. 121.

²⁵ Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // *Философия эпохи постмодерна*. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 129.

²⁶ Барт, Р. «Писать» – непереходный глагол? / Р. Барт // *Arbor Mundi* / Мировое древо. Международный журнал по теории и истории мировой культуры. – 1993. – Вып. II. – С. 87.

²⁷ Бланшо, М. Опыт-предел / М. Бланшо // *Танатография Эроса. Жорж Батай и французская мысль середины XX века*. – СПб.: МИФРИЛ, 1994. – С. 63–77.

²⁸ Фуко, М. Ницше, генеалогия, история / М. Фуко // *Философия эпохи постмодерна*. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 94–95.

Бога», фактически основанная на идее деконструкции библейских текстов) как окончательный финал идеи субъекта.

Таким образом, постмодернистская «смерть субъекта» означает, прежде всего, гибель традиционного (стабильного, однозначно централизованного и линейно детерминированного со стороны общего социального порядка) субъекта дюркгеймовского типа. Постмодернизм постулирует тотальную «смерть самого субъекта», финальный «конец ... эго, или индивидуума», подвергшихся фундаментальной «децентрации»²⁹.

С точки зрения постмодернизма, само использование термина «субъект» – лишь дань классической философской традиции: как пишет М. Фуко, так называемый анализ субъекта на деле есть анализ «условий, при которых возможно выполнение неким индивидом функции субъекта»³⁰.

Феномен Я оценивается постмодернизмом как культурно артикулированный, связанный с определенной традицией и потому исторически преходящий. Согласно М. Фуко, «лишь один период, который явился полтора века назад и, быть может, уже скоро закончится, явил образ человека. И это не было избавлением от давнего непокойства, переходом от тысячелетней заботы к ослепительной ясности... – это просто было следствием изменений основных установок знания... Если эти установки исчезнут так же, как они возникли, ... человек изгладится, как лицо, нарисованное на прибрежном песке»³¹.

Такой радикальный отказ от феномена Я в традиционном его понимании не мог не иметь столь же радикальных последствий. И поскольку феномен «Я», равно как и трактовки субъекта и природы субъективности лежат в самой основе европейской культуры XX–XXI вв., постольку и последствия их трансформаций оказались весьма ощутимы, затронув самые основания культуры западного типа.

Парадигма анти-психологизма и феномен «кризиса идентификации». Если воспользоваться выражением А. П. Чехова, то для культуры классики индивидуальная судьба представляла собой «сюжет для небольшого рассказа» – сюжет, при всей своей неприязнительности, вполне определенный и неповторимый как в событийном, так и в аксиологическом планах. Определенностью биографии подразумевала определенность личности, рефлексивно осознающей свое отношение к жизни и ориентирующейся на определенную систему ценностей.

²⁹ Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 128.

³⁰ Фуко, М. Что такое автор? / М. Фуко // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. – М.: Касталь, 1996. – С. 45.

³¹ Фуко, М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / М. Фуко. – М.: Прогресс, 1977. – С. 398.

Современными психологами (причем не только теоретиками, но и клиницистами) зафиксирован факт так называемого «кризиса идентификации», когда человек оказывается не в состоянии четко зафиксировать свою позицию по отношению к аксиологическим системам, а следовательно, не может зафиксировать самоощущенность себя как личности (А. Джироукс, С. Ланкшир, П. Мак-Ларен, М. Петерс и др.³²).

Этот феномен вызывается к жизни следующими факторами.

Прежде всего, современная культура как культура постмодерна характеризуется таким феноменом, как аксиологический ацентризм, т. е. отсутствие иерархично выстроенной в аксиологическом отношении культурной среды, что в философском постмодернизме выражено презумпцией «заката метанарраций». Как отмечает Ж.-Ф. Лиотар, в постмодернистском культурном контексте «все прежние центры притяжения, образуемые национальными государствами, партиями, профессиями, институтами и историческими традициями, теряют свою силу»³³. По оценке Р. Рорти, из актуализирующихся в постмодернистском социуме стратегий «ни одна ... не обладает привилегиями перед другими», – они просто плюральны и вариативны³⁴.

Культурное пространство постмодерна не просто лишено центра, – оно программно ацентрично: как утверждал Л. Фидлер в работе «Пересекайте границы, засыпайте рвы», нет и не может быть ни элитарной, ни массовой культуры как таковых³⁵, – и первая публикация статьи, имевшая место в журнале «Playboy», наглядно демонстрировала практическую реализацию прокламируемой стратегии.

Программой для эпохи постмодерна становится идея микшированности культуры, своего рода перемешивание в конкретных культурных контекстах фрагментов различных традиций, образующих принципиально несистемную мозаику. Как пишет Ж.-Ф. Лиотар, «эклектизм является нулевой степенью общей культуры: по радио слушают реггей, в кино смотрят вестерн, на ланч идут в McDonald's, на обед в ресторан с местной кухней, употребляют парижские духи в Токио и одеваются в стиле ретро в Гонконге»³⁶. По мнению Ф. Джеймисона, в современной культуре нет места делению на истинное и ложное, приемлемое

³² Giroux, A. A. Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space / A. A. Giroux [et al.]. Vol. II. – L. – New York, 1996. – 195 p.

³³ Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 140–158.

³⁴ Rorty, R. The Introduction / R. Rorty // Contingency, Irony & Solidarity. – Cambridge, 1989. – P. 4–17.

³⁵ Фидлер, Л. Пересекайте рвы, засыпайте границы / Л. Фидлер // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. – М., 1991.

³⁶ Lyotard, J.-F. La condition postmoderne: Rapport sur la savoir / J.-F. Lyotard. – P., 1979. – 197 p.

и неприемлемое³⁷, – культура постмодерна предполагает возможность диалога различных (не исключая альтернативных) традиций, более того – именно такой диалог осмысливается ею в качестве базового механизма собственного развития, позволяющего реализовать творческий потенциал культурного плюрализма.

Коллаж превращается в постмодерне из частного приема художественной техники в универсальный принцип построения культуры: в этом плане культура постмодерна описывается Ж.-Ф. Лиотаром как «монстр», образуемый переплетением радикально различных, но при этом абсолютно равноправных мировоззренческих парадигм, в рамках взаимодействия которых невозможно выделение универсальных аксиологий³⁸.

В социально-психологическом плане это порождает аксиологический аналог *бурданова осла*, когда человек оказывается неспособным осуществить выбор между плюральными равно возможными аксиологиям и, следовательно, осуществить рефлексивную самоидентификацию и реализовать персональную самоидентификацию.

«Кризис идентификации» как социальный феномен теснейшим образом связан с кризисом «судьбы» как психологического феномена, основанного на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе.

В культуре постмодерна событие как таковое теряет свою онтологическую определенность, размываемую плюральностью рассказов о ней. Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива, или «рассказа» является его самодостаточность и самооценочность: как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность, то есть, в конечном счете, вне какой-либо функции, кроме символической деятельности как таковой»³⁹.

Рассказ в постмодернизме не рассматривается с точки зрения презентации в нем исходного, якобы объективно наличного смысла, – смысл рассказа, напротив, понимается как обретаемый в процессе наррации, т. е., по формулировке М. Постера, «мыслится как лишенный какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия»⁴⁰. Собственно, по формулировке Ф. Джеймисона, нарративная процедура фактически «творит реальность»,

³⁷ Джеймисон, Ф. Постмодернизм, или Логика культуры позднего капитализма / Ф. Джеймисон // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 118–137.

³⁸ Лиотар, Ж.-Ф. Постмодернистское состояние: доклад о знании / Ж.-Ф. Лиотар // Философия эпохи постмодерна. – Минск: Красико-принт, 1996. – С. 140–158.

³⁹ Барт, Р. Смерть автора / Р. Барт // Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – С. 384–391.

⁴⁰ Poster, M. The Mode of Information. Post-Structuralism & Social Context / M. Poster. – Cambridge, 1996. – 136 p.

одновременно постулируя ее относительность, т. е. свой отказ от какой бы то ни было претензии на адекватность как презентацию некоей вненарративности реальности: нарратив – это рассказ, который всегда может быть рассказан по-иному⁴¹.

Классической сферой возникновения и функционирования нарратива выступает история как теоретическая дисциплина (А. Тойнби, П. Рикёр, Дж. Каллер, А. Карр, Ф. Кермоуд и др.). В рамках нарративной истории смысл события трактуется не как фундированный подразумеваемой онтологией исторического процесса, но как возникающий в контексте рассказа о событии и имманентно связанный с интерпретацией. Рефлексия над прошлым, по оценке Х. Райта, – это всегда рассказ, нарратив, организованный извне, посредством внесленного рассказчиком сюжета, организующего повествование. По оценке Й. Брокмейера и Р. Харре, нарратив выступает не столько описанием некоей онтологически артикулированной реальности, сколько «инструкцией» по конституированию последней (подобно тому, как правила игры в теннис лишь создают иллюзию описания процессуальности игры, выступая на самом деле средством «вызвать игроков к существованию»).

Что же означает данная культурная установка для такой формы рассказа, как рассказ о себе, и о такой форме истории, как история жизни – биография и автобиография?

По оценке метатеоретиков постмодернизма (Х. Уайт, К. Меррей, М. Саруп и др.⁴²), типовым способом самоидентификации для субъекта эпохи постмодерна становится способ нарративный. Для культуры постмодерна индивидуальная судьба – это поле плюрального варьирования релятивных версий нарративной биографии: тексты Р. Музиля «О книгах Роберта Музиля», Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте», Антониони «Антониони об Антониони» и др. Современные исследователи-психологи (А. Джироукс, С. Ланкшир, П. МакЛарен, М. Петерс и др.) констатируют – с опорой на серьезные клинические исследования, – что конструирование своей «истории» (истории своей жизни) как рассказа ставит под вопрос безусловность аутоидентификации, которая ранее воспринималась как данное⁴³.

На основе этого Дж. Уард констатирует применительно к современной культуре «кризис судьбы» как психологического феномена, основанного

⁴¹ Jameson, F. The political Unconscious: Narrative as a socially symbolic Act / F. Jameson. – L., 1981. – 296 p.

⁴² Sarup, M. Identity, Culture & postmodern World / M. Sarup. – Edinburg, 1998. – 192 p.; Sarup, M. An introductory guide to post-structuralism & postmodernism / M. Sarup. – New York, 1988. – 171 p.; Write, H. Metahistory: The Historical Imagination in the Nineteenth Century / H. Write. – Baltimore – L., 1973. – 448 p.

⁴³ Giroux, A. A. Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space / A. A. Giroux [et al.]. – New York, 1996. – Vol. II. – L.-New York – 195 p.

на целостном восприятии субъектом своей жизни как идентичной самой себе, онтологически конституированной биографии⁴⁴. С одной стороны, в условиях отказа онтологии как таковой не может быть и онтологически обеспеченной биографии, с другой – в контексте презумпции «заката метанарраций» дискурс легитимации как единственно возможный теряет свой смысл и по отношению к индивидуальной жизни, в силу чего ни одна из повествовательных версий истории жизни не является более предпочтительной, нежели любая другая, оценочные аспекты биографии не имеют онтологически-событийного обеспечения и потому, в сущности, произвольны.

Таким образом, индивидуальная биография превращается из *судьбы* в вариативный *рассказ*. Как было показано Р. Бартом во «Фрагментах любовного дискурса», даже максимально значимый с точки зрения идентификации личности элемент биографии – история любви – также относится к феноменам нарративного ряда: в конечном итоге, «любовь есть рассказ... Это моя собственная легенда, моя маленькая “священная история”, которую я сам для себя декламирую»⁴⁵. Собственно, влюбленный и определяется Р. Бартом в этом контексте как тот, кто ориентирован на использование в своих дискурсивных практиках определенных вербальных клише (собственно, содержание всей книги, посвященной аналитике последних, и разворачивается после оборванной двоеточием финальной фразы Введения – «So, it is a lover who speaks and who says: », за чем следует собственно текст книги.) В конечном итоге, «history of love» – превращается в организованную по правилам дискурсивного порядка, а потому релятивную «story of love» и, наконец, просто в «love story».

Констатируя «кризис идентификации» как феномен, универсально характеризующий психологическую сферу эпохи постмодерна, философия постмодернизма формирует специальную программу «воскрешения субъекта», которая ставит своей целью «выявление субъекта» в контексте плюральных языковых практик, задавая тенденцию на реконструкцию субъективности как вторичной по отношению к дискурсивной среде (поздние М. Фуко и Ж. Деррида, П. Смит, Дж. Уард, М. Готдинер и др.). Ж. Деррида, например, предлагает «пересмотреть проблему эффекта субъективности, как он (субъект. – М. М.) производится структурой текста»⁴⁶. Аналогично, М. Фуко в Послесловии к работе Х. Л. Дрейфуса

⁴⁴ Ward, G. Postmodernism / G. Ward. – Chicago, 1997. – 186 p.

⁴⁵ Barthes, R. A Lover's Discourse. Fragments / R. Barthes. – L.: J. Cape. – Third Berford Square, 1979. – 234 p.

⁴⁶ Деррида, Ж. Хора / Ж. Деррида // Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97 – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 122–170.

и П. Рабинова, посвященной исследованию его творчества (один из последних его текстов), фиксирует в качестве семантико-аксиологического фокуса своего исследовательского интереса выявление тех механизмов, посредством которых человек – в контексте различных дискурсивных практик – «сам превращает себя в субъекта»⁴⁷.

Пост-постмодерн и идея «воскрешения субъекта»: финал парадигмы анти-психологизма. Очевидно, что этика в традиционном ее понимании базируется на презумпции субъекта – и как носителя определенных ценностных шкал, и как автономного субъекта морального выбора, и как активного субъекта морального поступка, и как критичного субъекта моральной оценки, и как рефлексирующего субъекта моральной ответственности.

В силу этого трансформация понимания субъективности в постнеклассической культуре и – как следствие – феномены «смерти субъекта» и «кризиса идентификации» вызвали радикальные изменения в самом аксиологическом фундаменте европейской культуры.

Человек, рассмотренный только в качестве носителя вариативных культурных кодов, позволяющих ему писать или означивать тексты, не может выступать субъектом морального выбора или моральной оценки, поскольку любые культурные коды признаются постмодернизмом не только равновозможными, но и равноправными.

Более того, поскольку культура постмодерна отказалась от идеи бинарных оппозиций, постольку в постнеклассической своей артикуляции этика не может сохранить базовых своих характеристик, определяющих классические формы ее бытия в культуре, поскольку сама идея морали изначально фундирована представлением о бинарной оппозиции добра и зла.

В силу этого в практическом своем приложении постмодернистские дискурсивные практики порождают в культуре достаточно серьезные и подчас небезобидные последствия, поскольку в рамках отказа от понятия субъекта, с одной стороны, и вне дихотомии добра и зла – с другой, конституирование какой бы то ни было нравственной системы оказывается фактически невозможным.

Осознание этого обстоятельства порождает в современной философии идею «воскрешения субъекта», прикладным следствием которой выступает стратегия преодоления «кризиса идентификации», которая предлагается на сегодняшний день в нескольких версиях.

Социальная педагогика, например, оценивая ситуацию «кризиса идентификации», сложившуюся в постмодернистском пространстве, не только констатирует «нарративную этиологию» этого

⁴⁷ Foucault, M. Afterword / M. Foucault // Dreifus H.L., Rabinow P. Michel Foucault: Beyond structuralism & hermeneutics. – XXIII. – Brighton, 1982. – P. 221–240.

кризиса, но и постулирует необходимость специального целенаправленного формирования воспитательной установки на «контрнарративные импринтинги»⁴⁸. Исходное значение понятия «импринтинг» (восприятие детенышем увиденного в первый после рождения момент существования в качестве родителя, за которым он безусловно следует и чей поведенческий образец нерелексивно воспроизводит) переосмыслено современной социальной педагогикой в расширительном плане, предполагающем онтологическую фундированность (гарантированность вненарративным референтом) любого впечатления, так или иначе влияющего на поведенческую стратегию личности.

Программа неоклассицизма исходит из той идеи, что «кризис идентификации» вызывается к жизни кризисом объективности («кризисом значений»): как считает Дж. Уард, именно эта причина порождает проблематичность для субъекта самоидентификации в условиях, когда «зеркало мира», в котором он видел себя, «разбито в осколки»⁴⁹. Эта программа предполагает существенное смягчение критики референциальной концепции знака – вплоть до отказа от исходной для постмодернизма идеи «пустого знака» и радикальной элиминации феномена означаемого в качестве детерминанты текстовой семантики. Указанная установка инспирирует формулировку Дж. Уардом такой задачи, как «реанимация значения» или «возврат утраченных значений» – как в денотативном, так и в аксиологическом смысле этого слова. В связи с этим М. Готдиер говорит о желательности и даже необходимости формирования своего рода «культурного классицизма», предполагающего реабилитацию и реанимацию разрушенной стабильности аксиологических иерархий, которая характеризовала культуру классики⁵⁰.

Коммуникативная программа, смещающая акцент с текстологической реальности на реальность коммуникативную, центрируется в связи с этим вокруг феномена Другого. В основе этой программы лежит фундаментальная для нее идея о том, что расщепленное Я может обрести свое единство лишь в контексте субъект-субъектных отношений – по формулировке Ж. Деррида, «фрагментарный человек» может быть собран только посредством Другого.

Если в классическом постмодернизме Другой интерпретировался как внешнее (социокультурное) содержание структур бессознательного (что фактически было унаследовано от лакановской

версии структурного психоанализа, где бессознательное было артикулировано как «голос Другого»), то современный постмодернизм задает концепту «Другой» новую (коммуникационную) интерпретацию, в системе отсчета которой реальность языка перестает быть для постмодернизма самодовлеющей. Современная культура обозначается Ж. Бодрийяром как культура «экстаза коммуникации»⁵¹.

Коммуникативная программа «воскрешения субъекта» осуществляет своего рода синтез идей диалогизма, высказанных в рамках неклассической философии (экзистенциальный психоанализ, современная философская антропология, философская герменевтика, философия католического аджорнаменто и философская концепция языковых игр). Прежде всего, сюда относятся идеи о так называемом «коммуникативном существовании»: «бытие-с» у М. Хайдеггера, «со-бытие с Другим» у Ж.-П. Сартра, «бытие-друг-с-другом» у Л. Бинсвангера, «отношение Я – Ты вместо Я – Оно» у М. Бубера, «преодоление отчаяния благодаря данности Ты» у О. Ф. Больнова, «малый кайрос» как подлинность отношения Я с Ты у П. Тиллиха и т. п.

Аналогично, по Г.-Г. Гадамеру, механизм конституирования Я основан на «опыте Ты», и главное содержание этого опыта есть «свободное перетекание Я в Ты», и каждый из коммуникативных партнеров не только «является значащим для другого», но и «обусловлен другим»⁵².

В такой системе отсчета возможна лишь единственная форма и единственный способ бытия Я – это бытие для Другого, зеркало которого заменило собою разбитое зеркало прежнего объективного и объектного мира классической культуры. Вектор отношения субъекта к Другому, в постмодернистском его видении, – это, по определению Э. Левинаса, «метафизическое желание», репрезентированное в грамматическом звательном падеже, и потому «каждый, кто говорит “Я”, адресуется к Другому»⁵³.

В противоположность классической философской традиции, в рамках которой определенность человеческого сознания задавалось его интенцией отношения к объекту (и даже в противоположность постмодернистской классике, в рамках которой децентрированная субъективность неизменно была погружена в текстологически артикулированную среду), современная версия постмодернизма определяет сознание посредством фиксации его интенции на отношение к Другому.

⁴⁸ Giroux, A. A. *Conternarratives. Cultural Studies of Culture Pedagogues in Postmodern Space* / A. A. Giroux [et al.]. – L.-New York, 1996. – Vol. II. – 195 p.

⁴⁹ Ward, G. *Postmodernism* / G. Ward. – Chicago, 1997. – 186 p.

⁵⁰ Goddiener, M. *Postmodern Sensitivities. Material Culture & the Form of postmodern life* / M. Goddiener. – Oxford, 1998. – 262 p.

⁵¹ Baudrillard, J. *Ecstasy of Communication* / J. Baudrillard // *Postmodern Culture* / Ed. H. Foster. – L., 1998. – 159 p.

⁵² Гадамер, Х.-Г. *Человек и язык* / Х.-Г. Гадамер // *От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога.* – Минск: Менск, 1997. – С. 130–141.

⁵³ Levinas, E. *Autrement que savoir* / E. Levinas. – P.: Vrin, 1988. – 314 p.

Фигура Другого становится фундаментальной и конститутивной семантической структурой в современных попытках постмодернистской философии реконструировать понятие субъекта. Так, в концепции К.-О. Апеля язык понимается не в контексте субъект-объектных процедур прагматического или когнитивного порядка, но в контексте субъект-субъектных коммуникаций, которые в принципе не могут быть сведены к передаче сообщений. Язык выступает в этом контексте не столько механизмом объективации информации или экспрессивным средством, сколько медиатором в контексте языковых игр. Если трактовка последних Л. Витгенштейном предполагала опору на взаимодействие между субъектом и текстом, а в понимании Я. Ю. Хинтики – на взаимодействие между Я и реальностью как двумя игроками в игре, ставка в которой – истинность высказывания, то К.-О. Апель трактует языковую игру как субъект-субъектное отношение, участники которого (Я и Другой) являют собой друг для друга текст – как вербальный, так и невербальный (Апель, К.-О. Трансцендентально-герменевтическое понятие языка / К.-О. Апель // От Я к Другому: сб. пер. по проблемам интерсубъективности, коммуникации, диалога. – Минск: Менск, 1997. – С. 202–220.). Это задает особую

артикуляцию понимания как взаимопонимания. Апелевская версия постмодернистской парадигмы восстанавливает в правах классическую для философской герменевтики презумпцию понимания как реконструкции имманентного смысла текста, выступающего у К.-О. Апеля презентацией содержания коммуникативной программы игрового партнера. Высказанное не подлежит произвольному означиванию и, допуская определенный (обогащающий коммуникационную игру) плюрализм толкования, тем не менее, предполагает аутентичную трансляцию семантики речевого поведения субъекта в сознание Другого, который вне этой реконструкции смысла не конституируется как коммуникационный партнер. Ставкой в игре оказывается не истина объектного, но подлинность субъектного, и результатом коммуникации, выступает вновь обретенное Я – как Я, найденное, по Ж. Делезу, «на дне Другого».

Заключение. В своем единстве обозначенные векторы разворачивания проблемных полей постмодернизма, ориентированные на преодоление «кризиса идентификации» задают оформление нового этапа эволюции постмодернистской философии – своего рода After-postmodernism или Пост-постмодернизм, в отличие от постмодернистской классики деконструктивизма.

Поступила в редакцию 13.09.2016 г.